

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 89–99.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 89–99.

Научная статья

УДК 321

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/89-99>

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: ПОИСК ДОКТРИНАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ

Рашид Мухтарович Магомедов

Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, gashidrpa@mail.ru

Аннотация. Автором выделены и рассмотрены доктринально-методологические основания исследования политической целостности. Политическая целостность представлена в качестве многофакторного образования, многоуровневой модели, включающей институционально-политический и институционально-правовой уровни, политико-ментальные и политико-культурные компоненты, аксиологические кластеры, а также соответствующих политических акторов (государство в целом, властные элиты). В рамках рассмотрения вопроса о природе и особенностях социально-политической целостности, способах её достижения и сохранения анализируются место и роль конвергенционных и дивергенционных процессов, имеющих место в интеграционных политико-правовых трендах прошлого и настоящего, влияющих на разного рода институциональные трансформации и метаморфозы, ценностную эволюцию и т. п.

Ключевые слова: политическая целостность, политические институты, властные элиты, государство, политические процессы, конвергенция, дивергенция, политическая система, политические архетипы.

Для цитирования: Магомедов Р. М. Социально-политическая целостность: поиск доктринальных оснований // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 89–99. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/89-99>

Original article

SOCIO-POLITICAL INTEGRITY: SEARCH FOR DOCTRINAL BASES

Rashid M. Magomedov

North Caucasian Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation),
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia, rashidrpa@mail.ru

Abstract. The article defines and reviews the doctrinal and methodological bases of political integrity studies. The political integrity is presented as multiple-factor education, the multilevel model including institutional political, institutional, and legal levels, political-mental and political-cultural components, the corresponding political actors (the state in general, imperious elite), as well as axiological clusters. Within reviewing the nature and features of socio-political integrity, the study analyzed the ways of its achievement and preservation the place and role of convergent and divergent processes involved in the integration political and legal trends of the past and the present influencing various institutional transformations and metamorphoses, value evolution, etc.

Keywords: political integrity, political institutes, imperious elite, state, political processes, convergence, divergence, political system, political archetypes.

For citation: Magomedov R. M. Socio-political integrity: search for doctrinal bases // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 89–99. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/89-99>

Насколько бы ни была революционна (или, наоборот, консервативна) та или иная политическая доктрина, последняя так или иначе выстраивается вокруг ключевой проблемы – *политической целостности*, и с этим трудно спорить. Это положение дел во многом определяется местом и ролью последней в любом политическом или государственно-правовом (политико-правовом) пространстве, в котором именно политическая целостность и является его базовой качественной характеристикой, имплицитно институциональную конфигурацию, порядок и многообразие результатов имеющих место властных отношений, сохранение политических (политико-ментальных) констант и уровень их воздействия на сохранение и устойчивое развитие национальной политической жизни и т. п.

Ясно также, что политическую целостность особым образом конструируют (властные элиты и др.), воспроизводят, охраняют, различным образом (идейно, ма-

териально, в силовом порядке и т. п.) укрепляют, а определенные политические (имеющие характер «движущих» в условиях реформ либо революций) силы с ней борются, разрушают, «ниспровергают», правда, чтобы затем опять же построить принципиально новую целостность, более или менее радикально отличающуюся от предшествующего политического проекта (этот аспект, причём весьма ярко и поэтично, выразили, например, классики марксизма в «Манифесте коммунистической партии» [1], в котором даже буржуазия представлена в виде «революционного разрушителя», т. к. «повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения...», тем более этот «разрушающий» опыт должен быть взят на вооружение новым революционным классом – пролетариатом).

Однако все эти радикальные и охранительные, фундаменталистские¹ и иные «регистры мысли» и механизмы практической деятельности (социально-политические практики, направленные на сохранение или разрушение единого политико-правового порядка) ориентированы на многоаспектное исследование феномена политической целостности. Последний же выражает хорошо известную антинормию качественных характеристик публично-властной организации общества – *политическую устойчивость и динамику, в основе которых также лежит проблема целостности и процессов политико-правовой интеграции.*

Совершенно справедливо в этом плане отмечает И. Красавин: «Спрашивать, что первично, сообщество или динамика, бессмысленно, необходимо понять их в ситуации постоянной совместимости. Сообщество *постоянно собирается и разделяется*, пребывая *одновременно в разных состояниях*, но тщательно *отделяя одно состояние от другого* (курсив мой. – Р. М.)» [2].

Конечно, заявленная проблематика актуальна не только с теоретико-методологической точки зрения, поскольку позволяет реконструировать формы и стили политического мышления, идентифицировать принципы и вектор доктринальных и программных положений политического моделирования, но и в практическом плане, т. к. обсуждаемые вопросы востребованы в рамках проблемы обеспечения национальной безопасности и устойчивого цивилизационного развития современных политических сообществ, формирования адекватных и эффективных технологий, платформ публично-властного управления процессами социально-политической интеграции, воспроизводства государственно-правовой целостности в рискогенном и нестабильном, глобализирующемся мире, особенно с позиции

---

¹ Термин «фундаментализм» здесь используется в качестве особой практики радикальной мысли (движимой неприятием существующего порядка, политической организации, религиозной ценностно-нормативной системы и т.д.) и формы практической (радикального сопротивления, непримиримой борьбы) деятельности, направленных на разрушение имеющейся политической (или иной, например, религиозной, социально-культурной и проч.) целостности, которая может быть выражена в различных формах сборки (общества или сообщества). См., например, об этом: [10].

движения последнего от двухполярного (СССР и США во второй половине XX в.) – к однополярному (гегемония США на рубеже XX–XXI вв.), затем к многополярному (начало XXI в.) и опять к двухполярному (Россия и США, «коллективный» Запад в настоящее время).

Рассматривая политическую традицию трактовки и аналитического описания феномена социально-политической целостности, можно увидеть, что этот феномен анализируется в различных доктринальных контекстах и, соответственно, разных содержательно-смысловых измерениях: в одних социально-политическая целостность интерпретируется в качестве некоторого абсолютного *первоначала* (мифического, религиозного, идеократического и т. д.), предшествующего всякой конкретной политической организации общества (это интуитивно-сакральный подход к пониманию природы политической целостности и её значению для развития властного пространства в конкретных государствах); в других целостность представлена как институционально-политическая организация общества, и здесь в основном анализируются вопросы взаимосвязи, взаимовлияния, институциональных (в том числе, и правовых), а также функциональных характеристик социально-политических институций, обеспечивающих политическое единство того или иного социума; в третьих речь идёт о социально-политическом процессе в конкретном обществе, в контексте которого и формируется эта целостность, т.е. утверждается, что именно политическая коммуникация и некие «опривыченные» варианты взаимодействия разных политических акторов (включая, разумеется, и государство), устойчивые формы и модели властных и иных отношений создают целостный политический порядок; в четвёртых акцентируется внимание на сознательно-волевых и иных практических действиях, и речь в основном здесь идёт об изменчивости социально-политических практик, а сама целостность объявляется некой *фикцией*, необходимой для формирования общей арены (или платформы), важной для политической конкуренции, взаимодействию разных политических сил и т. п.

Несомненно, следует рассмотреть и архитектуру политической целостности, представляя её как ряд взаимосвязанных между собой уровней, на которых и происходит формирование и развитие социально-политической целостности. При этом важно подчеркнуть, что все эти уровни не только связаны, но и оказывают взаимное влияние, а изменение одного из уровней, соответственно ведёт к изменению всей архитектуры целостности. В то же время следует учитывать и тот факт, что одни уровни подвержены действию целого спектра факторов и могут изменяться достаточно *мобильно*, подстраиваясь под внутренние и внешние изменения, возникающие и действующие в общественной системе, под те или иные вызовы и угрозы, действующие в конкретно-исторический период. Другие же, напротив, более *устойчивы*, образующие – условно – «каркас» или фундамент социально-политической целостности, поэтому их изменение достаточно медленное и может проис-

ходить (а в большинстве случаев и происходит [3; 4; 5]) в течение нескольких поколений или не происходить вообще¹.

Итак, можно выделить следующие уровни формирования, развития и трансформации социально-политической целостности:

1) *социокультурный уровень*, формирующий базовый фундамент целостности конкретной общественной системы, это её стержневые, «арматурные» основания;

2) *уровень повседневного восприятия*, оценки и участия в социально-политической жизни общества, на котором формируются и развиваются обыденные представления о значимости политических институций, функциональных и структурных характеристики политического порядка и отдельных институтов, обычные и приемлемые формы публично-властного взаимодействия в системе личность – общество – государство и т. п.;

3) *идейно-концептуальный уровень*, отражающий доминирующие идеи, ценностно-нормативные и идеологические системы, их доктринальное оформление в политических проектах и программных положениях различных политических субъектов (государств, политических партий, общественных организаций и т. д.);

4) *уровень институционально-политической организации* и система доминирующих публично-властных дискурсов, выступающих основанием, каркасом политического порядка в конкретно-исторический период времени;

5) доминирующие *формы и технологии* социально-политической интеграции.

Как отмечают А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, в настоящее время в социально-гуманитарной системе знания доказанным является «непреложный факт существования неких устойчиво воспроизводящихся констант, выполняющих роль несущих конструкций в той или иной сфере реальности» [6, с. 77], причём эти константы – не детерминированные модели или «биологические коды», которые определяют политическое, экономическое, правовое и прочие формы поведения, а представляют собой лишь чистые формы и чистую направленность, «базовый уровень... в котором весь опыт самоорганизации снят в виде этих самых смыслообразующих направленностей (моделей структурирования)» [6, с. 22].

Исследователи подчёркивают, что эта направленность выражается в основном в трёх взаимосвязанных формах: *во-первых*, базовые направленности определяют «онтологические координаты» смыслообразующего отношения субъектов, а также субъект-объектного взаимодействия; *во-вторых*, формируют направленности, отражающие «содержание и интенсивность переживаемого такового взаимодей-

---

¹ Например, как отмечает В. В. Аверьянов, «...не изменчивость в изменениях есть суть и парадокс «динамического консерватизма». Другими словами, «кристаллизация слоёв традиции в виде исторически новых ответов на «вызовы» как внешней среды, так и на внутренние деструктивные тенденции, при этом сама традиция в её пневматолитическом измерении не меняется и не растёт, меняется лишь опыт взаимодействия с иным; растут институции такого опыта и сами механизмы взаимодействия с иными культурами» [11, с. 563].

ствия»; *в-третьих*, имеет место общая направленность (генеральный вектор) специфического понимания окружающего мира, а также «рефлексия и кодификация этого переживания» в различных знаково-символических системах [6, с. 82].

Здесь важно подчеркнуть, что архетипические основания политической целостности и процессов социально-политической интеграции представляют собой вовсе не архаический уровень политической культуры, противостоящий процессам трансформации, эволюции общественно-политической системы. Напротив, под архетипическими основаниями следует понимать «осевые элементы» политической культуры, общие направленности и формальные модели, которые задействованы в конкретно-исторических практиках структурирования и воспроизводства социально-политической целостности, они обуславливают «ступенчатое движение вперёд посредством вариационного сочетания старого с новым» [7, с. 175].

Здесь проблематика политической динамики и развития противоречий в политическом процессе обусловлены творческими и инновационными моментами, возникающими в развитии публично-властной организации. При этом крайним, радикальным вариантом трансформации (как процесса более общего, нежели специфические процессы – *модернизм* либо *консерватизм*) социально-политической организации является понятие «кризис», который может как привести к разрушению социально-политической целостности, так и предложить новые форматы и направления трансформации политических институтов.

Обратим внимание, что *обыденный* уровень политического сознания и социально-политической активности включает повседневные формы и сложившиеся, привычные модели взаимодействия в системе личность – общество – государство, а также устойчивые «когнитивные сценарии» и эмоционально-психологические формы легитимации и восприятия социально-политических процессов и событий.

Именно на данном уровне «практическое (обычно-повседневное) поведение отражает (и реально), в отличие, например, от (официально признанных) правовых обычаев, специфику юридического быта нации, этносов, конкретных групп. Отметим, что на этом уровне формируется право, вырастающее *из потребностей социокультурной интеграции и взаимодействия...* Данная социальная интеграция и социальное творчество, общественная самоорганизация ... находит своё объяснение как попытка реализации на эмпирическом уровне, кроме индивидуальных интересов и потребностей, абсолютных («трансперсональных») ценностей. В этих формах «социобильности» (коммуникативности) проявляется социально-культурная сущность права, его функции, место и значение в жизни общества» [8, с. 238–239].

Этот уровень связан с развитием «низовых» движений, гражданских инициатив, различных «стилевых форм» политической активности в основе которых лежат процессы самовыражения и самоорганизации. На этом уровне происходит *конвергенция* старого и нового, социокультурных основ социально-политической целост-

ности и процессов самоорганизации, взаимодействие сложившегося политического опыта и инновационных факторов в общественно-политической жизни – новых вызовов и угроз, актуальных интересов, потребностей и проч.

Категории «конвергенция» и «дивергенция» в гуманитарном дискурсе всегда оставались одними из наиболее сложных и неоднозначных понятий, а поэтому требовали основательного изучения, особенно применительно к государству, праву, политическим и социально-экономическим системам. Не случайно и то, что эти концепты, их содержание и смысл по-разному интерпретировались в философских, правовых, политологических теориях, получали различное осмысление в отличающихся научных дискурсах, однако всегда считались весьма важными для понимания интеграционной (или, наоборот, дезинтеграционной) динамики отличающихся по своей сущности и институциональному ландшафту политических пространств (систем, миров и др.).

Отметим, что исследование природы конвергенционных процессов с позиции вопроса о природе и специфике политической целостности имеет не только (а, возможно, и не столько) теоретическую значимость, сколько практическую целесообразность, тем более что в рамках политико-правового познания актуализация этой темы самым тесным образом сопряжена с глобализационной проблематикой, а именно с развертыванием глобализационных процессов на разных геополитических уровнях (региональном, континентальном и планетарном¹). Проблемы глобализации, её позитивных и негативных сторон вот уже более двадцати лет так или иначе проходят через многочисленные исследования российских политологов, философов, правоведов, экономистов и др., причём, в самых разных контекстах (например, при изучении специфики «реального» государственного суверенитета, анализе сущности «суверенной демократии», выявлении особенностей, причин, последствий юридических «заимствований», идеологических или институциональных рецепций и т. п.).

В общем же можно утверждать, что в ходе усилий отечественных гуманитариев возникло и предметно оформилось такое междисциплинарное направление научных исследований, как «глобалогия», конечно, имеющее свои отрасли, а точнее – дискурсы (политическая глобалогия, правовая глобалогия, экономическая глобалогия и др.).

Ясно, что эвристические акценты в этом «глобалогическом» познавательном пространстве зависят от принятия того или иного дискурса, явленного в рамках политического, правового, философского или социально-экономического измерения решаемых проблем. Кроме этого они, несомненно, будут зависеть от пространственной привязки изучаемых в глобализационном контексте явлений. Так, пред-

---

¹ «Региональная и континентальная глобализация охватывает группу географически сопредельно расположенных стран, имеющих общие экономические, политические, военные интересы, культурные, национальные и другие традиции» [12, с. 57].

ставляется очевидным, что региональные и континентальные границы рассматриваемых, например, в политическом или правовом дискурсе проблем во многом повлияют на отличные от их планетарно-глобализационного «погружения» результаты, оценки, выводы и рекомендации.

Рассматривая конвергенционно-дивергенционную проблематику в дискурсивно-пространственном контексте, сразу необходимо заметить, что конвергенция – это своего рода «вход» в иное политико-правовое пространство, либо создание качественно нового пространства и иных политических и юридических дискурсов, а дивергенция – это, с одной стороны, «выход» национальной политической и правовой системы из прежнего социального пространства, а с другой – сохранение (или возврат) оригинальных, самобытных, традиционных политических дискурсов.

Причем, движение «навстречу друг другу» в любом случае создаёт новое дискурсивное поле в отношении политической целостности, новые практики и доктрины, хотя и в разных (двух) возможных формах интеграции: вариант «смешанности» политических, правовых и экономических институтов и модель «поглощения» одного политико-правового пространства другим. Движение же «друг от друга» предполагает развитие и функционирование политических (а значит и всех иных) структур, формируя тем самым новые политико-правовые пространства (целостности), либо «включая» их в уже имеющиеся институциональные образования, а значит, политические традиции, ценностные ориентиры, смыслы и т. п.

Например, в отношении первой из этих дилемм ещё в 1965 г. «Бизнес уик», характеризуя широко обсуждаемую в то время теорию конвергенции, писала: «Сущность этой теории состоит в том, что происходит совместное движение навстречу друг другу, как со стороны СССР, так и со стороны США. При этом Советский Союз заимствует у капитализма концепцию прибыльности, а капиталистические страны, в том числе США, – опыт государственного планирования... В то время как СССР делает осторожные шаги в направлении капитализма ... многие западные страны одновременно заимствуют те или иные элементы из опыта социалистического государственного планирования. И вот складывается весьма любопытная картина: коммунисты становятся менее коммунистическими, а капиталисты – менее капиталистическими по мере того, как две системы всё ближе и ближе приближаются к какой-то средней точке» [9, с. 19–20].

Такая конвергенция, естественно, деформирует сложившуюся институциональную и идеологическую составляющую политической целостности, влияет на качественные характеристики её «скреп», тем не менее она становится возможной, поскольку формирование новых идейно-смысловых оснований социально-политической активности и политического самовыражения всё же реализуется не на пустом месте, а под воздействием социокультурных архетипов, доминирующих ценностно-нормативных константах и т. д. На этом основании развиваются и формы эмоцио-

нально-психологической легитимации политических институций, управленческих решений, политического порядка в целом.

Обобщая, скажем следующее. Эмоционально-психологическое «ощущения должного» и коллективные ожидания придают особую направленность (позитивную или негативную) в оценке протекающих социально-политических процессов и событий, а также во многом определяют специфическую «мотивационную структуру», связанную с принятием и выбором соответствующих форм поведения и моделей публично-властного взаимодействия¹. Эмоционально-психологический элемент в процессе социально-психологической интеграции и сохранении политической целостности выражается, как правило, в политическом чувствовании и стереотипах обычно-политического поведения. Первое связано с процессом самоорганизации в общественной (политической) системе доминирующих эмоционально-психологических установок, отражающих устойчивое отношение к действующему политическому порядку и функционирующим политическим институтам. Именно в обыденном политическом чувствовании содержатся базовые (родовые) и распространённые эмоции, без наличия которых невозможны его видовые проявления – чувства патриотизма, политической ответственности, социальной справедливости и т. п., важность которых для сохранения политической целостности и устойчивого функционирования её институциональных и ценностных основ как в прошлом, так и в настоящем трудно переоценить.

Список источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm>.
2. Красавин И. *Techné. Сборка сообщества*. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2013. 595 с.
3. Исаев И. А. *Идея порядка в консервативной ретроспективе : монография*. М. : Проспект, 2011. 400 с.
4. Мордовцев А. Ю., Попов В. В. *Российский правовой менталитет*. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2007. 448 с.

---

¹ Р. Циппелиус по поводу иррациональных оснований публичной жизни и управления совершенно справедливо замечает, что на обыденном уровне социально-политической жизни общества, а также «в области выбора цели иррациональный фактор вмешивается уже благодаря тому, что оценка различных целей и предпочтений не может быть осуществлена рационально: с одной стороны, за разными целеполаганиями стоят различные социальные силы и субъект; с другой, даже те предпочтения, которые пользуются одобрением большинства, так или иначе изменяются в зависимости от ситуаций и времени. Это означает, что необходимо угадывать, предчувствовать будущие предпочтения, что само по себе выходит за рамки рациональной калькуляции» (Циппелиус Р. *Общество и право. Основные понятия социологии права и государства // Право XX века: Идеи и ценности*. М., 2001. С. 264.)

5. Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю., Овчинников А. И. Национально-культурные основы российской государственности и правовой политики. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2015. 210 с.
6. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М. : Языки русской культуры, 1998. 271 с.
7. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л. : Наука, 1986. 303 с.
8. Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Мамычева Д. И. Архетипические и социокультурные основы правопонимания и правовой политики российского государства : монография. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2015. 288 с.
9. Современные буржуазные теории о слиянии капитализма и социализма. М., 1970. 243 с.
10. Армстронг К. Битва за Бога : История фундаментализма. М. : Альпина нон-фикшн, 2013. 502 с.
11. Аверьянов В. В. Традиция и динамический консерватизм. М. : Институт динамического консерватизма, ООО «Центр издательский дом», 2012. 695 с.
12. Хорин Е. М. [Аннотация на кн.]: Циппелиус Р. Общество и право. Основные понятия социологии права и государства // Право XX века: Идеи и ценности. М., 2001. С. 231–238.

References

1. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. Available at: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm/> (In Russ.).
2. Krasavin I. *Techne. Community assembly*. Moscow; Ekaterinburg: Armchair scientist Publ., 2013. 595 p. (In Russ.).
3. Isaev I. A. *The idea of order in a conservative retrospective: monograph*. Moscow: Prospekt Publ, 2011. 400 p. (In Russ.).
4. Mordovtsev A. Yu., Popov V. V. *Russian legal mentality*. Rostov: SFedU Publ., 2007. 448 p. (In Russ.).
5. Mamychev A. Yu., Mordovtsev A. Yu., Ovchinnikov A. I. *National-cultural foundations of Russian statehood and legal policy*. Vladivostok: Publishing House of VGUES, 2015. 210 p. (In Russ.).
6. Pelipenko A. A., Yakovenko I. G. *Culture as a system*. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 1998. 271 p. (In Russ.).
7. Chistov K. V. *Folk traditions and folklore. Essays on theory*. Leningrad: Nauka Publ., 1986. 303 p. (In Russ.).
8. Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Yu., Mamycheva D. I. *Archetypal and sociocultural foundations of legal understanding and legal policy of the Russian state: monograph*. Vladivostok: Publishing House of VGUES, 2015. 288 p. (In Russ.).

9. Modern bourgeois theories about the fusion of capitalism and socialism. Moscow, 1970. 243 p. (In Russ.).

10. Armstrong K. The Battle for God: A History of Fundamentalism. Moscow: Alpina non-fiction, 2013. 502 p. (In Russ.).

11. Averyanov V. V. Tradition and dynamic conservatism. Moscow: Institute of Dynamic Conservatism, Center Publishing House LLC, 2012. 695 p. (In Russ.).

12. Khorin E. M. [Summary on the book]: Zippelius R. Society and Law. Basic concepts of the sociology of law and state. *Pravo XX veka: Idei i tsennosti*. Moscow, 2001, pp. 231–238. (In Russ.).

Сведения об авторе

Р. М. Магомедов – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия.

Information about the author

R. M. Magomedov – Teacher of Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines of the North Caucasian institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia.